

Annamaria Spanic

- [Анатоль Франс](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Рассказы Жака Турнеброша»](#)

Приятного чтения!

Анатоль Франс

Похвала Оливье

Карл Великий и его двенадцать пэров покинули Сен-Дени и, взяв страннические посохи, совершили паломничество в Иерусалим. Поклонившись гробу господню и посидев перед тринадцатую креслами, украшающими просторный покой, где некогда Иисус Христос и двенадцать апостолов собирались для святого таинства пресуществления, они отправились затем в Константинополь, горя желанием повидать короля Гугона, прославившегося великолепием своего двора.

Король принял их во дворце, где под золотым куполом пели в изумрудной листве рубиновые птицы, являвшие собой чудо искусства.

Он усадил императора Франции и двенадцать пэров за стол, ломившийся под тяжестью жареных оленей, ланей, журавлей, диких уток и павлинов, обильно сдобренных перцем, и угостил их греческими и азиатскими винами, которые подавались в бычьих рогах. Карл Великий и пэры пили за здоровье короля и его дочери Елены. После ужина Гугон отвел их в предназначенный им покой – круглую комнату с колонной посредине, на которую опирался свод. Во всем мире не было комнаты прекраснее, чем эта. У стен, отделанных золотом и пурпуром, стояли лежа, числом двенадцать, а тринадцатое ложе, более высокое и просторное, чем остальные, было расположено у самой колонны. На него возлег Карл Великий; пэры расположились на лежах возле стен. Выпитое вино разгорячило им кровь и замутило головы. И так как сон бежал от их глаз, то, по обычаю французских рыцарей, они начали похваляться, обещая совершить подвиги, свидетельствующие об их могучей силе.

Похвальбу начал Карл Великий. Он сказал:

– Пусть предстанет передо мной сидящий на коне и-закованный в броню славнейший рыцарь короля Гугона. Я выхвачу меч и одним ударом рассеку шлем, кольчугу, седло и лошадь, и после этого клинок еще вонзится в землю на одну треть своей длины.

Вслед за императором похвалился Гильом д'Оранж.

– Я возьму чугунный шар, который с трудом поднимают шестьдесят человек, – сказал он, – и с такой силой запущу им в стену дворца, что она обрушится на шестьдесят туазов в длину.

Потом заговорил Ожье Датчанин:

– Видите вы эту толстую колонну, которая подпирает свод? Завтра я опрокину ее и переломлю, как соломинку.

Тогда Рено де Монтобан воскликнул:

– Провалиться мне па месте, граф Ожье, если в то время, как ты будешь опрокидывать колонну, я не переложу купол себе на плечи и не отнесу его на берег моря.

Пятым похвалился Жерар де Руссильон. Он уверял, что ему достаточно одного часа, чтобы вырвать с корнем все деревья из королевского сада.

После Жерара взял слово Аимер.

– У меня. – сказал он, – есть чудесная шапка-невидимка, сделанная из тюленьей кожи. Завтра я надену ее и, когда король Гугон сядет обедать, съем его рыбу; выпью его вино, дерну его за нос, надаю ему затрещин, и так как он не будет знать, на кого гневаться, то велит посадить в тюрьму и наказать плетьюми всех своих слуг, а мы с вами посмеемся.

– Я так ловок, – молвил Гюон де Бордо, когда дошла до него очередь, – что мне ничего не стоит незаметно подкрасться к королю и обрезать ему бороду и брови. Завтра вы полюбуетесь славным зрелищем. И для этого мне не понадобится даже тюленья шапка.

Доон де Майанс тоже сказал свое слово. Он пообещал за один час съесть все фиги, лимоны и апельсины, что растут на деревьях в королевском саду.

Герцог Немон сказал так:

– Клянусь честью, я пойду в пиршественный зал, соберу все золотые чаши и кубки и подброшу их так высоко, что они упадут прямо на луну.

Бернар Брабантский крикнул своим зычным голосом:

– Ну, а я еще не то сделаю. Слушайте меня, пэры. Вы знаете, что река, протекающая через Константинополь, очень широка, ибо, оросив Египет, Вавилон и рай земной, она близится здесь к своему устью. Так вот, я поверну ее русло и заставлю течь по городской площади.

Жерар де Виан заявил:

– Пусть выстроятся в ряд передо мной двенадцать рыцарей, и одним взмахом меча я подниму такой ветер, что все двенадцать упадут ничком.

Двенадцатым похвалился граф Роланд, который сказал:

– Я возьму мой рог^[1], выеду в чистое поле и затрублю так громко, что все двери в городе соскочат с петель.

Не принимал участия в похвальбе один только Оливье. Он был молод и учтив. И Карл Великий нежно его любил.

– Сын мой, – обратился он к Оливье, – похвалитесь чем-нибудь и вы.

– Охотно, государь, – ответил Оливье. – Довелось ли вам слышать про Геркулеса Греческого?^[2]

– Что-то мне о нем рассказывали, – сказал Карл Великий. – Кажется, есть такой идол у неверных, вроде их ложного бога Магома.

– Нет, государь, – возразил Оливье, – Геркулес Греческий был языческим рыцарем и владел когда-то королевством. Он был человек достойный и отменно сложен. Приехав ко двору одного императора, у которого было пятьдесят дочерей-девственниц, он в одну ночь стал мужем всех пятидесяти, так что утром все они оказались бывальными и весьма довольными женщинами. Ибо он не обделил вниманием ни одной из них. С вашего соизволения, государь, я похваюсь, что повторю подвиг Геркулеса Греческого.

– Боже вас сохрани, сын мой! – воскликнул император. – Вы совершили бы страшный грех. Наверно, этот Геркулес был сарацином^[3].

– Государь, – ответил Оливье, – я хочу за одну ночь проделать с одной девственницей то, что Геркулес проделал с пятьюдесятью. И этой девственницей будет принцесса Елена, дочь короля Гугона.

– В добрый час! – сказал Карл Великий. – Вы поступите по-рыцарски и по-христиански. Но, сын мой, причем тут пятьдесят девственниц короля Геркулеса? Если только дьявол не морочит мне голову, то речь идет всего лишь об одной.

– Вы правы, государь, – тихо промолвил Оливье, – девственница действительно только одна. Но она получит от меня столько приятных ей доказательств моей любви, что если я буду их считать, то к утру на стене появится пятьдесят крестиков. Таков будет мой подвиг.

Не успел граф Оливье договорить, как в колонне, поддерживавшей свод зала, распахнулась потайная дверь. Колонна эта была полая, и в ней легко мог поместиться человек, чтобы наблюдать и подслушивать оттуда. Ни Карл Великий, ни двенадцать пэров не знали этого. Велико же было их изумление, когда из потайной двери вышел король Константинополя. Он был бледен от гнева, и глаза его сверкали.

– Так-то вы платите мне за мое гостеприимство, неучтивые гости! – грозно сказал он. – Вот уже добрый час как вы оскорбляете меня дерзким бахвальством. Знайте же, государь, знайте же, рыцари, что, если завтра вы не совершите подвигов, которыми похвалялись, я велю отрубить всем вам головы.

Проговорив это, он вошел в колонну, и дверь за ним сразу захлопнулась. Долгое время пэры от удивления не могли вымолвить ни

слова. Первым прервал молчание Карл Великий.

– Друзья мои, – сказал он, – мы хватили через край в нашей похвальбе. И, может быть, мы наговорили такого, о чем вовсе не следовало бы говорить. Мы выпили слишком много вина, и нам изменило благоразумие. Больше всего в этом повинен я, ваш император, подавший вам дурной пример. Завтра мы все вместе подумаем, как нам выпутаться из этого трудного положения. А сейчас надо выспаться. Доброй ночи, пэры. Да хранит нас господь!

Не прошло и минуты, как император и пэры уже храпели, натянув на себя златотканые шелковые покрывала.

Утром они проснулись еще не совсем протрезвившиеся, и то, что произошло вчера вечером, показалось им сном. Но вскоре за ними явились воины, получившие приказ препроводить их во дворец, где перед лицом короля Константинополя они должны были совершить все подвиги, которыми накануне похвалялись.

– Идемте, – сказал Карл Великий, – идемте и сотворим молитву господу и пресвятой богородице. С ее помощью нам будет нетрудно исполнить нашу похвальбу.

Он пошел впереди всех, и осанка его была полна невиданного величия. Войдя во дворец, Карл Великий, Немон, Аимер, Гюон, Доон, Гильом, Ожье, Бернар, Рено, оба Жерара и Роланд, став на колени и сложив руки, вознесли пречистой деве такую молитву:

«Заступница наша, вкушающая райское блаженство, обрати к нам в нашей крайности благосклонный взор. Во имя королевства лилий^[4], покорного твоей воле, укрепи императора Франции и его двенадцать пэров и даруй им силу, дабы могли они исполнить свою похвальбу».

После чего они встали с колен успокоенные, полные мужества и отваги, ибо знали, что божья мать не останется глуха к их просьбе.

Король Гугон, восседавший на золотом троне, сказал им:

– Сейчас вам придется исполнить вашу похвальбу, а тот, кто не совершит обещанного, будет обезглавлен. Пусть же каждый из вас немедленно идет в сопровождении воинов туда, где ему будет удобнее всего совершить те славные деяния, которыми он дерзко бахвалился вечером.

Выслушав приказ короля, они разошлись в разные стороны, охраняемые небольшими отрядами вооруженных людей. Одни направились в зал, где провели предыдущую ночь, другие – в сады. Бернар Брабантский устремился к реке, Роланд – к городским укреплениям. Лица у всех дышали отвагой. Во дворце остались только Карл Великий и Оливье: первый поджидал рыцаря, которого он обещал разрубить мечом пополам, второй –

девственницу, на которой должен был жениться.

Спустя немного времени оглушительный шум, подобный тому, который должен возвестить людям о конце мира, донесся до дворцового зала, так что рубиновые птицы затрепетали на изумрудных кустах, а король Гугон чуть не свалился с золотого трона: то, грохоча, рушились стены, воя, неслись речные валы. Между тем гонцы, сбежавшиеся со всех концов города, дрожа и припадая к ногам короля, доносили об удивительных делах.

– Государь, – говорил один, – городские стены на протяжении добрых шестидесяти туазов рухнули в один миг.

– Государь, – говорил второй, – колонна, которая поддерживала ваш сводчатый зал, лежит на земле, а свод, подобно черепахе, движется к морю.

– Государь, – говорил третий, – река со всеми кораблями и рыбами хлынула на городские улицы и скоро достигает стен дворца.

Король Гугон, бледный от ужаса, прошептал:

– Клянусь честью, эти люди истинные кудесники.

– Государь, – улыбаясь, сказал ему Карл Великий, – рыцарь, которого я жду, медлит приходом.

Гугон велел привести рыцаря. Тот явился. Он был высок ростом и весь закован в броню. Добрый император согласно обещанию рассек его пополам.

Тем временем Оливье размышлял: «Ясно, что эти чудеса могли свершиться только с помощью девы Марии, и сердце мое полнится радостью при виде столь несомненных доказательств ее благоволения к Франции. Император и его пэры не напрасно возносили молитвы нашей покровительнице, пресвятой богоматери. Увы! Один я пострадаю за всех, только моя голова скатится с плеч. Ибо не могу же я просить непорочную деву, чтобы она помогла мне совершить мой подвиг! Он таков, что было бы нескромностью молить о помощи у той, чье имя – Лилия целомудрия, Башня из слоновой кости, Врата за семью запорами, Запертый сад. А без помощи небесной вряд ли я могу в полной мере совершить то, чем я похвалился».

Так думал Оливье, когда король Гугон внезапно обратился к нему:

– Граф, настал ваш черед исполнить обещанное.

– Государь, – ответил Оливье, – я с нетерпением жду принцессу, вашу дочь. Ибо сперва вы должны оказать мне великую честь, сочетав меня с ней законным браком.

– Это справедливо. – сказал король Гугон. – Я пришлю ее к вам вместе со священником, который вас обвенчает.

В церкви, во время венчания, Оливье думал: «Эта девственница – совершенство прелести и красоты. Я так жажду заключить ее в объятия, что нисколько не жалею о своей похвальбе».

Вечером, после ужина, двенадцать дам и двенадцать рыцарей отвели принцессу Елену и графа Оливье в опочивальню и оставили там одних.

Они пробыли ночь вместе, а наутро, сопровождаемые стражей, предстали перед королем Гугоном. Тот сидел на троне, окруженный свитой. Возле него стояли Карл Великий и пэры.

– Ну как, граф Оливье, исполнили вы обещанное?

Оливье молчал, и король Гугон уже возрадовался при мысли, что велит отрубить голову своему зятю. Ибо его особенно уязвила похвальба Оливье.

– Отвечайте! – воскликнул он. – Осмеливаетесь ли вы утверждать, что совершили то, чем похвалялись?

Тогда принцесса Елена, залившись краской, потупив глаза и улыбаясь, ответила тихим, но внятным голосом:

– Да.

Карл Великий и пэры были очень довольны ответом принцессы.

– Видно, этим французам помогает не только бог, но и дьявол, – сказал король Гугон. – Значит, не суждено мне отрубить голову ни одному из вас... Приблизьтесь ко мне, зять мой.

И он протянул Оливье руку, которую тот поцеловал. Карл Великий обнял принцессу и сказал:

– Елена, отныне я считаю вас своей дочерью и женой моего сына. Вы поедете с нами во Францию и будете жить при нашем дворе.

Потом, наклонившись, чтобы расцеловать ее в обе щеки, он шепнул ей:

– Вы ответили так, как подобало ответить благородной женщине. Но, скажите мне, это действительно правда?

– Государь, – промолвила она, – Оливье – смелый и учтивый рыцарь. Он так ласкал и ублажал меня, что мысли мои спутались, и я сбилась со счета. Он тоже не считал. Поэтому я полагаю, что он выполнил обещание.

Король Гугон устроил великое празднество по случаю свадьбы своей дочери. Потом Карл Великий и двенадцать пэров отбыли во Францию, увозя с собой принцессу Елену.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Рассказы Жака Турнеброша»](#)

notes

Примечания

1

Я возьму мой рог... – В истории рыцаря Роланда играет большую роль его чудесный меч Дюрандаль и чудесный рог Олифант, звуки которого разносятся на сотни миль.

Геркулес Греческий, Магом. – Авторы французски хгероических поэм, складывавшихся в эпоху борьбы с арабами, не делали различия между античным язычеством и мусульманством. Так в «Песне о Роланде» мавританский эмир поклоняется одновременно «Магому и Аполлину» (то есть Аполлону).

3

Сарацины – арабы.

Королевство лилий – Франция. Стилизованный цветок лилии издавна входил в гербы французских королей.